

“Я не знаю, как это делаю. И это не кокетство, — говорит он мне, застенчиво улыбаясь и посверкивая бриллиантовой сережкой. — В жизни я совсем другой — тихий, скромный...”

Я делаю вид, что верю. Мы сидим на его сине-белой еврокухне в тихом Лефортове, потягивая чай с бергамотом. На экране видеока Алла Борисовна классически страдает в образе Арлекино. Затем ее сменяет дочка, жаждущая шампанского. Потом элегантная Лайма. Неувядаемая Пьеха. Свежепохудевшая Долина. Вечный секс-символ Леонтьев и др. VIP’ы отечественной и зарубежной эстрады со своими забойными хитами. Но не верьте, господа хорошие, своим глазам, очкам и линзам. Это все мираж. Потому что все эти звезды на экране и мой собеседник — одно и то же лицо, тот самый Александр Песков, многогликий Янус нашей эстрады. На сегодня — самый “пародистый” из артистов.

ТЕНЬ ЗВЕЗДЫ

НЕСЕКРЕТНЫЕ АЛЕКСАНДР ПЕСКОВ МАТЕРИАЛЫ

Артист эстрады, неоднократный лауреат конкурса “Песня года”. Родился в городе Коряжме Архангельской области 13 февраля 1962 года в семье служащих. В 1979 году поступил в Московское цирковое училище на отделение клоунады. Работал в драматическом театре г. Котласа, в Архангельской, Пермской и Калининградской филармониях, в Московском театре эстрады. В настоящее время — руководитель Московского театра синхронбумфонады. Женат. Дочь — Даша 14 лет.

Наталья БОБРОВА

— Саша, вы прям как Ломоносов — даром что земляки. Оба из Архангельской области, оба покорили высоты: один — науки, другой — эстрады...

— Спасибо за лестное сравнение. Но серьезно... Коряжма — маленький городок, но несколько знаменитостей из него вышло: штангист мирового класса Василий Алексеев, солист группы “НА-НА” Паша Соколов. Кстати, он в моей школе учился. И мы сидели за одними партами, но в разное время — я постарше.

— В школе наверняка поддразнивали учителей и одноклассников?

— Нет. Я не был готов к этой профессии. Думал, что буду просто клоуном... Это была мечта...

— И родителей тоже?

— Мама всю жизнь работала до-моуправом, потом стала начальником жэка. Отец был председателем профкома ОРСа. В общем, люди, далекие от искусства, они мечтали видеть меня эстрадным танцором, но я для них ошибся дверью... После выпускного бала сел на поезд и приехал, и тут же покорил Москву — поступил в эстрадно-цирковое училище (сейчас это Институт имени Карандаша) на отделение клоунады. Я по профессии клоун. Клоунада меня всегда пленяла. А в цирк я влюблен с детства...

В 77-м году в Ленинграде впервые увидел Юрия Владимировича Никулина... Самого “отца” Филатова видел... Все эти цирковые имена повлияли очень сильно... Как-то мне посчастливилось — через задние дворы меня, студента, за руку провел Олег

Попов на юбилей — столетие цирка на Цветном бульваре... А Никулин как-то подписал мне книгу: “Саше Пескову, будущему клону”.

— Почему “по профессии” не стали работать?

— В училище я получил травму — делал сальто-мортале и... передумал в воздухе.

— А это нельзя?

— Нельзя. Если наметил цель — надо к ней идти. Лучше рисковать. Кто не рискует — тот не пьет шампанское. Вот и не выпил. Наверное, просто испугался. И защемил нерв, позвоночник вышел из строя — год не двигался. И мама тогда тоже попала в не приятную ситуацию — упала с поездом и поломалась... И вот мы, два калеки, в течение года дома друг друга таскали до туалета, что называется.

Но все прошло, здоровье было ре-

МК Бульвар — 2000 — 27 авт — СЗ4 — 37

РАЗГОВОР НА БУЛЬВАРЕ

абилитировано... А на что жить? И я поступил в Драматический театр Котласса, рядом с моим родным городом. Там я прослужил два года. У меня было 15 ролей! Для молодого артиста это очень много. Я уже был заражен сценой, рампой... Театр стал для меня огромной школой. Но эстрада с цирком победила — я начал работать

"Ирина Понаровская"
и **Ирина Понаровская**

в Архангельской, Пермской и Калинградской филармониях — объездил все деревни как конферансье концертов.

— Что-то не представляю...

— А зря. Я придумал номер конферансье — выходил с огромным чемоданом в колготках белого цвета, а сверху — смокинг. Балетный низ и помпезный верх. И никто ничего не понимал. Янес огромный чемодан, открывал его, доставал парики, одевался и делал пародии. У меня тогда было всего три образа — Пугачева, Леонтьев, Гурченко. Народу нравилось. И я понял, что надо срочно становиться популярным.

— А это возможно только в Москве?

— Я и приехал сюда, к Владимиру Ивановичу Точилину, режиссеру, который делал многих наших звезд, — Клару Новикову, Жанну Бичевскую, Елену Камбурову... А он на следующий день скончался... И я остался на улице без денег... Неделю я жил на Белорусском вокзале...

— Вы стали бомжем?

— Да. Это были мои проблемы. Я хотел попасть к режиссеру Театра эстрады Борису Сергеевичу Брунову... Он был очень занят, и я ожидал "аудиенции" неделями... И дождался. Был выходной день, и при дежурной лампочке я впервые работал на сцене

Театра эстрады, а в зале был один человек — мой первый зритель Брунов. И буквально через месяц я стал звездой.

— Проснулись вдруг знаменитым?

— Именно так откровенно это и произошло со мной.

Мой первый концерт состоялся 22 декабря 88-го года, а 26-го числа моя записная книжка распухла от телефонов разных администраторов. Вся Москва гудела: появился новый артист, который перевернул что-то на эстраде. На меня бегали смотреть, были аншлаги.

— Что вы показывали?

— Это была юмористическая программа "Мисс эстрады". Мы выбирали самой красивой женщиной Веронику Маврикевичну. У меня уже были три образа. Но Брунов посоветовал мне сделать еще два, и тогда родилась моя легендарная Агузарова и Лайма Вайкуле. С этого все началось. А сегодня у меня 35 образов.

— Ваш жанр — это пародия или все-таки что-то другое?

— Или. В принципе неправильно обо мне говорить как о пародисте... Я никакой не пародист, а "синхробуфф"... Комитет по охране авторских прав и Министерство культуры выдали мне сертификат на изобретение — "Московский театр синхробуффонады под руководством Александра Пескова". Наш коллектив внесен в энциклопедию российской эстрады как первооткрыватели этого жанра. Буффонада означает гротеск, преувеличение. Мне надо быть похожим на артиста и в то

же время показывать его гротесково.

— По какому принципу вы отбираете "жертвы"?

— По любви. Кого люблю — того показываю. Если талантливый человек, яркий, динамичный, если имеет свою индивидуальность — он обязательно рано или поздно попадет в мою коллекцию.

— Не будете брать того, кто вам действительно неприятен?

— Нет, не буду...

— А поиздеваться?

— Нет, это не мое дело... Зачем мне каждый день мучиться? Я люблю свою работу и должен получать кайф от соприкосновения с яркой личностью. Значит, и душа будет петь, и пластика будет внутри меня... Значит, все получится. Поэтому логика тут очень простая.

— Как вы работаете?

Смотрите кассеты?

— Да. И встречаюсь с артистами... Я знаю, какие они в повседневной жизни... Хотя, конечно, никогда не мечтал, что буду сидеть на полу с Аллой Борисовной Пугачевой и смотреть с ней по видео мой последний спектакль, а она будет ругать меня за то, что я что-то неправильно сделал...

— Она комментировала?

— Да. Так получилось, что у нас очень теплые отношения... Она меня непреклонила, наверное, за эту смелость, дерзость — мужик в колготках вышел и сделал жанр искусством... И, естественно, я к словам мастера прислушиваюсь.

— Не была в претензии?

— Один раз. Когда она все-таки попала на мой спектакль — Филипп ее специально привез из Севастополя в Ялту. Они ехали очень долгой дорогой. И она посмотрела, и обиделась на меня за то, что ееказалось очень мало в моем спектакле.

— И Песков сделал выводы?

— Да. (Смеется.) Сегодня на ее образе построен весь новый спектакль "Арлекин", который мы недавно показали в "России". Так получилось, что и песни, и стиль этой постановки — это дань Пугачевой.

— Что самое трудное в работе?

— Сделать первый шаг на премьере — когда впервые показываешь образ... У меня вот скоро будут две премьеры — Земфира и Гарик Сукачев.

— То, что вы с Гариком похожи,

— видно невооруженным глазом.

— Да, и первой мне сказала об этом Агузарова — когда я снял парик, она вскрикнула: "Ой, Гарик!" Да,

А. РЫБАКОВСКИЙ

"Людмила Гурченко"
и **Людмила Гурченко**

есть у нас сходство. Но не знаю, как получится. Еще мечтаю сделать для новой программы Мэрилин Монро, Пиаф, Элтона Джона, Дайану Росс, Барбра Стрейзанд...

— Говорят, что и Майю Плисецкую?

— Да. Думаю, что и это сделаю... Хотя уже показывали и Михайловский (причем очень талантливо), и Боря

"Эдита Пьеха" и **Эдита Пьеха**

ИТАР-ТАСС

А. РЫБАКОВСКИЙ

Моисеев... Но у меня будет своя Майя. Тут нужно интересное режиссерское решение.

— Не сомневаюсь, что будет похоже. На концерте я обратила внимание, что вы — копия практических всех своих героев и геройни... Прямо оборотень какой-то...

— Физиономия такая. Нейтральная внешность плюс... энергетика. Очень многое в жизни зависит от внутреннего состояния... Коли я показываю добрых, красивых, интересных, эмоциональных людей — наверное, это и на меня влияет.

И еще надо просто любить зрителя. В моей профессии нельзя перейти эту планку. Ведь практически по лезвию ножа ходишь каждый день. Потому что в зале сидят и почитатели таланта артиста — в случае чего морду набают... Поэтому я все делаю как бы шутя...

— А гримируешься сами?

— Нет, сейчас у меня огромный коллектив — 25 человек. У нас свой постижер, свои гримеры, у меня шесть ассистентов, семь танцовщиков, транспортный цех, административная группа, звукооператор... Ведь публика уже устала от однообразия на сцене — надо учиться удивлять. На этом всю жизнь стоял бродвейский мюзикл. Американцы же не дураки — они всегда шли за зрелищем. Они вкладывают миллионы долларов для того, чтобы удивить публику в кабаре-

варьете и заработать на этом. И правильно делают. Потому что зрелище — это всегда праздник.

— На концерте я засекала время, когда вы исчезали переодеваться, — получалось не больше тридцати секунд. Как это возможно?

— От шести до тридцати пяти секунд эти переодевания делятся, если точнее... Как? Костюмы продуманы, они все с секретами... В них на улицу не пойдешь. Это сценические костюмы.

— Сами звезды как реагируют на «паски»?

— Могу показать... (Ставит кассету с Поняровской — на сцене и в зале. Та, настоящая, которая в зале, — в полном экстазе.)

Конечно, звезды сначала очень осторожно приглядываются. Особенно если они в зале — ведь на них народ смотрит: как реакция? Но когда это делается со вкусом, интеллигентно — человек доволен. Я хочу

сделать звезд еще лучше, чем они есть! Поэтому пусть учатся.

— Обидок серьезных не бывает?

— Нет. Был однажды очень давно случай, когда я только начинал. Я слупил тогда, повел себя некорректно по отношению к женщине — показал ее возраст. Какой женщине это понравится?

— Это кто?

— Не скажу. Не хочу ее обижать... И я по ее просьбе убрал этот номер и больше не показывал, к сожалению. Хотя я обожаю эту певицу и мы до сих пор в прекрасных отношениях.

Или вот Гурченко. Не случайно же она когда-то на меня обиделась и сказала: «Сашенька! Я вас обожаю! Вы гениальный артист, но... вы меня показываете внутренне неправильно. Поверхностно. А я глубокая актриса». И когда я понял замечание мастера, то исправился. Я сделал действительно глубокую актрису. И не случайно она подписала мне диск: «С нежностью, Люся».

— Что для вас важнее — признание зрителей или «объектов»?

— Главное — чтобы я признал образ сам. Я могу выслушать все «за» и «против». Но, лишь когда я сам уверен, что это хорошо, тогда я имею возможность и право импровизировать. Но жанр требует «похожести» в первую очередь.

— А раздвоение личности, слушаем, не посещает?

— Нет. Хотя в жизни я совсем другой и на сцене себя не узнаю. Я так не умею, честно вам скажу. Это перевоплощение. Актёрское мастерство. Спасибо моим педагогам — я в четвертом поколении ученик Станиславского!

— Кого приятнее показывать — мужчину или женщину?

— Наверное, женщин. Да и публике интересней, когда мужчина переодевается в колготки. Тому много примеров. Вспомним Александра Калягина и Олега Табакова... А Хофманн в «Тутси»? Не случайно же женщины не допускались на сцену театра времен Шекспира.

— Это да. А почему у вас такие мужчины, которые условно могут бытьими называемы, — Моисеев, Шура...?

— Знаете, Наташа, это самые кассовые артисты по стране, как ни странно. Эти неординарные личности вызывают шок, удивление... Жанр, в котором работает Боря Моисеев, исключитель-

ный. Этого не делает никто больше... Ведь почти все мужики у нас на сцене закомплексованные.

— Но не ваши материальные трансвеститы из балета?

— Это ошибочное мнение. Я уже устал отбиваться от их поклонниц. Троє мальчиков женаты, одну свадьбу я никак дождаться не могу из-за гастрольного графика.

— То есть они натуралы?

— Жуткие! Для того чтобы их поставить на каблуки, мне с ними надо было полгода есть пуд соли...

«Маша Распутина» и Маша Распутина

— Саша, вы вот на сцене демонстрируете свои обтянутые колготками ножки, такие движения заманчивые делаете... Вас не смущает, что кто-то может это неправильно понять?

— Я пять лет доказывал, что это искусство! И, слава Богу, не в ночных клубах. Я никогда не работал в гей-клубах. Мне посчастливилось: мне сразу предоставили площадки высокого уровня — Кремль, Колонный зал Дома союзов... На них я воспитался как профессиональный артист.

— За границей показываете только иностранных звезд?

— Там идет международная программа. И как-то мне подошел один американец и сказал: «Знаете, я никогда не видел Чарли Чаплина, но я фанат этого актера — у меня дома альбомы... И сегодня я плакал — я

«Кристина Орбакайте» и Кристина Орбакайте

А. РЫБАКОВСКИЙ

"Борис Моисеев" и Борис Моисеев

увидел настоящего Чарли!"

— А наших звезд там знают?

— Никого! Американцы смотрят на меня просто как на зрелице. Им интересно, как это один человек может это сделать. Когда они видят "своих" — сразу от смеха под кресла уходят. Американцы такие непосредственные, как дети. Им палец покажи — уже смешно... А

— А вы то сами тоже делали операцию, признайтесь?

— Я? Ха! Показать? (Протягивает мне то самое "страшное" послеоперационное фото...) Но! Я ничего не делал для того, чтобы быть похожим на кого-

когда это еще вдруг и мудро сделано — то это у них вызывает шок. Не случайно ведь Енгибаров сказал: клоун — это мудрый ребенок.

— Там есть аналогичные артисты?

— Очень много. В Америке этот жанр очень популярен, раскручен. Но по-другому. Американцы удивляются, как один человек может быть так похож на всех? Я видел одного итальянца, который показывал пять разных женщин... Но не конкретных людей... И это удивляло мастерством. Но мы-то берем выше.

Я смотрел немало бродвейских шоу и в Нью-Йорке, и в Лас-Вегасе... Мы работаем лучше, говорю как профессионал. Хотя есть очень много актеров, которые работают здорово — как двойники. Они даже делают пластику, чтобы быть похожими, скажем, на Мадонну или на Дайану Росс. И всю жизнь работают один образ.

то из звезд, как, например, знаменитый Франк Марино — вот, кстати, его книжка с дарственной надписью. Пластика необходима — ведь каждый день, как женщина, накладываешь тени, тушь, карандаши... Я просто убрал лишние морщинки, подтянул веки — то, что мешало мне работать, я ничего не ломал. Посмотрите! Видите разницу?

— Да... Впечатляет... Я потом телефончик хирурга сплю... А вот дочки нравится творчество папы?

— Да она обожает. Еще в Перми, когда видела по телевизору Леонтьева, — то говорила "папа" и целовала экран телевизора. Не умеет ходить, накидывала шерстяной бабушкин платок на волосы и поззала — как папа Леонтьев выползал на сцену. Сейчас она поет в ансамбле "Непоседы". И принимает участие в моем спектакле — показывает Королеву... Чем обернется — не знаю. Это ее личное дело. Она видит мой успех, и, естественно, гордится, что у нее такой папа. Дай Бог, чтобы потом я гордился ею.

— Не подустали быть "тенью звезд"?

— Представляете, какой кайф — каждый день быть 35 известными личностями? У меня уникальная профессия. Ее надо обожать, любить и ценить именно за то, что я могу каждый день быть звездой.

Искусство требует жертв.
После операции Песков не был
похож даже на себя...